

Государственное образовательное учреждение
Средняя образовательная школа № 457 г. Москвы

Школьная библиотека

Литературный венок России

Н. Лесков

"Волшебник слова"

**Информационный дайджест
для учащихся**

Москва
2011 г.

Оглавление

1. «Волшебник слова» Биография Николая Лескова.....	3
2. Автобиографические заметки: Из книги А.Н. Лескова «Жизнь Николая Лескова».....	7
3. Мемориальный музей Н.С. Лескова. Орёл. Россия.....	28
4. Библиография произведений Н.С. Лескова.....	37
5. Примечание.....	44

1. «Волшебник слова» - биография Н.С. Лескова

"Лескова русские люди признают самым русским из русских писателей и который всех глубже и шире знал русский народ таким, каков он есть"

Д. П. Святополк-Мирский, 1926.

Русский писатель-этнограф. Николай Семенович Лесков родился 16 февраля (по старому стилю - 4 февраля) 1831 года в селе Горохово Орловской губернии, где у богатых родственников гостила его мать, там же жила и его бабушка по материнской линии. Род Лесковых по отцовской линии происходил из духовенства: дед Николая Лескова (Дмитрий Лесков), его отец, дед и прадед были священниками в селе Леска Орловской губернии. От названия села Лески и была образована родовая фамилия Лесковых. Отец Николая Лескова, Семен Дмитриевич (1789-1848), служил дворянским заседателем орловской палаты уголовного суда, где и получил дворянство. Мать, Марья Петровна Алферьева (1813-1886), принадлежала к дворянскому роду Орловской губернии.

В Горохове - в доме Страховых, родственников Николая Лескова по материнской линии, - он жил до 8 лет. У Николая было шестеро двоюродных братьев и сестер. Для детей были взяты русский и немецкий учителя и француженка. Николая, одаренного большими способностями, чем его двоюродные братья, и более успевающего в учебе, не взлюбили и по просьбе будущего писателя бабушка написала его отцу, чтобы тот забрал сына. Николай стал жить с родителями в Орле - в доме на Третьей дворянской улице. Вскоре семья переехала в имение Паныно (Панин хутор). Отец Николая сам сеял, смотрел за садом и за мельницей.

В десять лет Николая отправили учиться в Орловскую губернскую гимназию. После пяти лет обучения одаренный и легко учившийся Николай Лесков вместо аттестата получил справку, так как отказался от переэкзаменовки в четвертый класс. Дальнейшее обучение стало невозможным. Отцу Николая удалось пристроить его в Орловскую уголовную палату одним из писцов.

В семнадцать с половиной лет Лесков был определен помощником столоначальника Орловской уголовной палаты. В этом же, 1848, году умер отец Лескова и помочь в устройстве дальнейшей судьбы Николая вызвался его родственник - муж тетки по материнской линии, известный профессор киевского университета и практикующий терапевт С.П. Алферьев (1816–1884). В 1849 году Николай Лесков переехал к нему в Киев и определен в киевскую Казенную палату помощником столоначальника по рекрутскому столу ревизского отделения.

Неожиданно для родных, и не смотря на советы повременить, Николай Лесков решает жениться. Избранница была дочерью богатого киевского коммерсанта. С годами разница во вкусах и интересах проявлялась у супругов все больше. Отношения особенно осложнились после смерти первенца Лесковых - Мити. В начале 1860-х годов брак Лескова фактически распался.

В 1853 году Лесков был произведен в коллежские регистраторы, в том же году он был назначен на должность столоначальника, а в 1856 году Лесков был произведен в губернские секретари. В 1857 году перешел на службу агентом в частную фирму «Шкотт и Вилькинс», во главе которой стоял А.Я. Шкотт - англичанин, женившийся на тетке Лескова, и управлявший имениями Нарышкина и графа Перовского. По их делам Лесков постоянно совершал поездки, давшие ему огромный запас наблюдений. («Русский биографический словарь», статья С.Венгерова «Лесков Николай Семенович») «Вскоре после Крымской войны я заразился модною тогда ересью, за которую не раз осуждал себя впоследствии, то есть я бросил довольно удачно начатую казенную службу и пошел служить в одну из вновь образованных в то время торговых компаний. Хозяева дела, при котором я пристроился, были англичане. Они еще были люди неопытные и затрачивали привезенный сюда капитал с глупейшей самоуверенностью. Из русских был только я.» (из воспоминаний Николая Семеновича Лескова) Дела компания вела по всей России и Лескову, как представителю фирмы, довелось в то время побывать во многих городах. Трехлетние странствия по России

послужили причиной того, что Николай Лесков занялся писательским трудом.

В 1860 году его статьи были напечатаны в «Современной Медицине», «Экономическом Указателе», «Санкт-Петербургских Ведомостях». В начале своей литературной деятельности (1860-е годы) Николай Лесков печатался под псевдонимом М.Стебницкий; позднее использовал такие псевдонимы, как Николай Горохов, Николай Понукалов, В.Пересветов, Протозанов, Фрейшиц, свящ. П.Касторский, Псаломщик, Любитель часов, Человек из толпы. В 1861 году Николай Лесков переселяется в Петербург. В апреле 1861 года в «Отечественных записках» была опубликована первая статья «Очерки винокуренной промышленности». В мае 1862 года в преобразованной газете «Северная пчела», считавшей Лескова одним из самых значительных сотрудников, под псевдонимом Стебницкий он публикует острую статью по поводу пожара в Апраксином и Щукином дворах. Статья обвиняла и поджигателей, к которым народная молва относила бунтовщиков-нигилистов, и правительство, не способное ни потушить пожар, ни поймать преступников. Распространилась молва, что Лесков связывает петербургские пожары с революционными стремлениями студентов и, не смотря на публичные объяснения писателя, имя Лескова стало предметом оскорбительных подозрений. Уехав за границу, он начал писать роман «Некуда», в котором отразил движение 1860-х годов в негативном свете. Первые главы романа были напечатаны в январе 1864 года в «Библиотеке для Чтения» и создали автору нелестную известность, так Д.И. Писарев писал: «найдется ли теперь в России, кроме «Русского Вестника», хоть один журнал, который осмелился бы напечатать на своих страницах что-нибудь выходящее из-под пера Стебницкого и подписанное его фамилией? Найдется ли в России хоть один честный писатель, который будет настолько неосторожен и равнодушен к своей репутации, что согласится работать в журнале, украшающем себя повестями и романами Стебницкого?». В начале 80-х годов Лесков печатается в «Историческом Вестнике», с середины 80-х годов становится сотрудником «Русской Мысли» и «Недели», в 90-х годах печатается в «Вестнике Европы»

В 1874 году Николай Семенович Лесков был назначен членом учебного отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения; основной функцией отдела было «рассмотрение книг, издаваемых для народа». В 1877 году, благодаря положительному отзыву императрицы Марии Александровны о романе «Соборяне», он был назначен членом учебного отдела министерства государственных имуществ.

В 1880 году Лесков оставил министерство государственных имуществ, а в 1883 он был уволен без прошения из Министерства народного просвещения. Отставку, дававшую ему независимость, принял с радостью.

Умер Николай Семенович Лесков 5 марта (по старому стилю - 21 февраля) 1895 года в Петербурге, от очередного приступа астмы, мучившей его последние пять лет жизни. Похоронен Николай Лесков на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге.

В 1930-1940-х годах Андреем Николаевичем Лесковым (1866–1953), сыном писателя, было составлено жизнеописание Николая Семеновича Лескова, изданное в 1954 году в двух томах.

**2. Автобиографические заметки.
Из книги Андрея Николаевича Лескова
« Жизнь Николая Лескова »**

“На похоронах моих прошу никаких речей обо мне не говорить. Я знаю, что во мне было очень много дурного и что я никаких похвал и сожалений не заслуживаю. Кто захочет порицать меня, тот должен знать, что я сам себя порицал”.

Н.С. Лесков

Из семейной старины

«Под давлением неодолимой скуки, которую ощущаю и с к(оторой) бесплодно борюсь с осени 1881 г., хочу набросать кое-что на память о моей личности, если она может кого-нибудь занимать. Заметки эти могут быть интересны в том отношении, что покажут в моем лице, какие неприготовленные к литературе люди могли в мое время получать хотя скромное, но все-таки не самое ничтожное место среди литературных деятелей моей поры. А это, мне кажется, стоит внимания.

По происхождению я принадлежу к потомственному дворянству Орловской губернии, но дворянство наше молодое и незначительное, приобретено моим отцом по чину коллежского асессора. Род наш собственно происходит из духовенства, и тут за ним есть своего рода почетная линия. Мой дед священник Димитрий Лесков и его отец, дед и прадед, все были священниками в селе Лесках, которое находится в Карачевском или Трубчевском уезде Орловской губернии. От этого села “Лески” [По “Историческому описанию церкви, приходов и монастырей Орловской епархии”, изд. орловского церковно-исторического об-ва, 1905 г., колыбель лесковского рода село Лески стоит на речке Колохве, впадающей в реку Навлю. Оно терялось в дремучих лесах Карачевского уезда, в 80 верстах от Орла и в 35 от Карачева. Ныне в 30 километрах от станции Брасово Московско-Киевской ж. д. — А. Л.] и вышла наша родовая фамилия — Лесковы.

Я никогда не бывал в этом селе и затрудняюсь с точностью определить его положение, но знаю, что оно в лесной полосе Орловской губернии, именно в Трубчевском или Карачевском уезде, где-то неподалеку от большого села Брасова, о котором я в детстве слышал рассказы тетки моей, вдовой попадьи Пелагеи Дмитриевны.

Полагаю, что Лески было село бедное, потому что во всех воспоминаниях тетки об ее детстве и детстве моего отца главным образом всегда упоминалось о бедности и честности деда моего, священника Димитрия Лескова.

Отец мой, Семен Дмитриевич Лесков, “не пошел в попы”, а пресек свою духовную карьеру тотчас же по окончании курса наук в Севской семинарии. Это, говорили, будто очень огорчило деда и едва ли не свело его в могилу. Огорчение имело тем большее место, что места сдать было некому, потому что другой брат моего отца, а мой дядя, был убит в каком-то семинарском побоище и из-за какого-то ничтожного повода. Но отец мой был непреклонен в своих намерениях и ни за что не хотел надеть рясы, к которой всегда чувствовал неодолимое отвращение, хотя был человек очень хорошо богословски образованный и истинно религиозный. Место было передано “зятю”, то есть мужу матушки Пелагеи Дмитриевны, который вскоре умер, и левитский род Лесковых в селе Лесках пресекся, но зато появился Лесков в орловском приказничестве.

Выгнанный дедом из дома за отказ идти в духовное звание, отец мой бежал в Орел с сорока копейками меди, которые подала ему его покойная мать “через задние ворота”.

Гнев деда был так велик, что он выгнал отца буквально безо всего, даже без куска хлеба за пазухой халата.

С сорока копейками отец пришел в Орел и “из-за хлеба” был взят в дом местного помещика Хлопова, у которого учил детей, и, должно быть, успешно, потому что от Хлопова его “переманул” к себе помещик Михаил Андреевич Страхов, служивший тогда орловским уездным предводителем дворянства. Тут отец опять учил детей в семье бежавших из Москвы от французов Алферьевых и получал уже какую-то плату — вероятно, очень ничтожную. Но замечательно, что в числе его маленьких учениц была одна, которая потом стала его женою, а моею матерью.

На месте учителя в доме Страховых отец обратил на себя внимание своим прекрасным умом и честностью, которая составляла отменную черту всей его многострадальной жизни. Из учителей его упростили поступить на службу делопроизводителем дворянской опеки, — чем он и был, — не могу сказать, долго или коротко. Честность и ум отца обратили на него внимание кого-то из образованных орловских дворян, если не ошибаюсь, Сомова или Болотова, которые уговорили его ехать на службу в Петербург и дали ему для этого средства.

Здесь он служил недолго, где-то по министерству финансов, и был отправлен на Кавказ для ведения каких-то “винных операций”. По собственным его рассказам, это было место такое “доходное”, что на нем можно было “нажить сколько хочешь”. Это же самое подтверждали его орловские приятели Тимонов и Богословский и другие, часто говорившие о “глупом

бессребреничестве” моего отца. О том же свидетельствовали многие письма, оставшиеся после его смерти, последовавшей в 1848 году. Но отец мой при кавказских “винных операциях” не нажил ничего, кроме пяти тысяч ассигнациями, которые получил в награду при оставлении им этого места в 1830 году.

В 1830 году с этими маленькими деньгами он приехал в Орел, встретил мою мать шестнадцатилетней девушкой, влюбился в нее и женился на ней, получив за нею в “обещание” приданое тоже в пять тысяч рублей — тоже, разумеется, ассигнациями.

Таким образом у них составилось десять тысяч (около 3 000 рублей серебром), из которых, впрочем, в руках была только отцовская половина, а материнская оставалась “в обещании” за Страховым, у которого дед мой, с материнской стороны, служил управителем имений, а Страхов считался “благодетелем” семьи Алферьевых.

Я родился 4 февраля 1831 года Орловского уезда в селе Горохове, где жила моя бабушка, у которой на ту пору гостила моя мать. Это было прекрасное, тогда весьма благоустроенное и богатое имение, где жили по-барски. Оно принадлежало Михаилу Андреевичу Страхову и ныне еще находится в его роде. Семья была большая, и жилось на широкую ногу, даже с роскошью.

В Орле отца избрали заседателем от дворянства в орловскую уголовную палату, где он скоро стал замечен умом и твердостью убеждений, из-за чего наживал себе очень много врагов. Я даже помню дела каких-то Юшковых, Игиных и Желудковых, которые, говорили, “пахли сотнями тысяч” и решались сенатом “по разногласию” в духе особых мнений моего отца, несогласных с мнениями всей палаты. Притом отец был превосходный следователь и, по тогдашним обычаям, был часто командирован для важных следствий в разные города, и особенно долго жил в Ельце, где им раскрыто весьма запутанное уголовное дело, производившееся по высочайшему повелению.

Я помню, как мы с матерью ездили к нему в Елец и как мать мою какие-то люди старались впутать в это дело с тем, чтобы подкупить отца очень большою суммою (30 тысяч). Отец об этом узнал и выпроводил мать в Орел, а сам остался в Ельце и довел дело до открытия тайн, разоблачивших самое возмутительное преступление.

После этого он имел какое-то неприятное столкновение с губернатором Кочубеем (кажется, Аркадием Васильевичем), в угоду которому при следующих выборах остался без места, как “человек крутой”.

От отца требовали какой-то уступки губернатору, которую он будто бы мог оказать в виде вежливости, съездив к нему с визитом. Я помню, как несколько дворян приезжали его к этому склонить, но он додержал свою репутацию “крутого человека” и не поехал, а дворяне не нашли возможным его баллотировать.

Тогда мы оставили наш орловский домик, помещавшийся на 3-й Дворянской улице, продали все в городе и купили 50 душ крестьян у генерала А. И. Кривцова, в Кромском уезде.

Покупка была сделана не на наличные деньги, а в значительной степени в долг, — именно в надежде на 5 тысяч материнского приданого, все еще остававшегося “в обещании”. Оно так и не было никогда отдано, а купленная отцом деревенька поступила за долг в продажу, и мы остались при одном маленьком хуторе Панине, где была водяная мельница с толчеею, сад, два двора крестьян и около 40 десятин земли.

Все это при самом усиленном хозяйстве могло давать в год около 200–300 рублей дохода, и на это надо было жить отцу и матери и воспитывать нас, детей, которых тогда было семеро, в числе их я был самый старший.

Неудачи сломили “крутого человека”, и отец хотя не сделал ни одной уступки и никому ни на что не жаловался, но захандрил и стал очевидно слабеть и опускаться.

Жили мы в крошечном домике, который состоял из одного большого крестьянского сруба, оштукатуренного внутри и покрытого соломой.

Отец сам ходил сеять на поле, сам смотрел за садом и за мельницей и при этом постоянно читал, но хозяйство у него шло плохо, потому что это совсем было не его дело. Он был человек умный, и ему нужна была живая, умственная жизнь, а не маленькое однодворческое хозяйство, в котором не к чему было приложить рук. Меня в это время отвезли в Орел и определили в первый класс Орловской гимназии.

Религиозность во мне была с детства, и притом довольно счастливая, то есть такая, какая рано начала во мне мирить веру с рассудком. Я думаю, что и тут многим обязан отцу. Матушка была тоже религиозна, но чисто церковным образом, — она читала дома акафисты и каждое первое число служила молебны и наблюдала, какие это имеет последствия в обстоятельствах жизни. Отец ей не мешал верить, как она хочет, но сам ездил в церковь редко и не исполнял никаких обрядов, кроме исповеди и святого причастия, о котором я, однако, знал, чт? он думал. Кажется, что он “творил сие в его (Христа) воспоминание”. Ко всем прочим обрядам он относился с нетерпеливостью и, умирая, завещал “не служить по нему панихид”. Вообще он не верил в адвокатуру [Подразумеваются “моленные предстательства” духовенства или святых перед богом. — А. Л.] ни живых, ни умерших и, при желании матери ездить на поклонение чудотворным иконам и мощам, относился ко всему этому пренебрежительно. Чудес не любил и разговоры о них считал пустыми и вредными, но подолгу маливался ночью перед греческого письма иконою Спаса Нерукотворенного и, гуляя, любил петь: “Помощник и покровитель” и “Волною морскою” [Духовное песнопение.—А. Л.]. Он несомненно был верующий и христианин, но если бы его взять поэкзаменоват по катехизису Филарета, то

едва ли можно было его признать православным, и он, я думаю, этого бы не испугался и не стал бы оспаривать.

В деревне я жил на полной свободе, которой пользовался как хотел. Сверстниками моими были крестьянские дети, с которыми я и жил и сживался душа в душу. Простонародный быт я знал до мельчайших подробностей и до мельчайших же оттенков понимал, как к нему относятся из большого барского дома, из нашего “мелкопоместного курничка”, из постоянного двора и с поповки. А потому, когда мне привелось впервые прочесть “Записки охотника” И. С. Тургенева, я весь задрожал от правды представлении и сразу понял: чт? называется искусством. Все же прочее, кроме еще одного Островского, — мне казалось деланным и неверным. Самый Писемский мне не нравился, а публицистических рацей о том, что народ надо изучать, я вовсе не понимал и теперь не понимаю. Народ просто надо знать, как самую свою жизнь, не штудируюя ее, а живучи ею. Я, слава богу, так и знал его, то есть народ, — знал с детства и без всяких натуг и стараний; а если я его не всегда умел изображать, то это так и надо относить к неумению.

За М. А. Страховым была замужем родная сестра моей матери Наталия Петровна, большая красавица, которую старик муж ревновал самым чудовищным и самым недостойным образом к кому попало. Это был человек невоспитанный, деспотический и, кажется, немножко помешанный: он был старше моей тетки лет на 40 и спал с нею, привязывая ее иногда за ногу к ножке своей двуспальной кровати.

Страдания тетки были предметом всеобщего сожаления, но ни отец, ни мать и ни кто другой не смели за нее заступиться.

Это были первые мои детские впечатления, и впечатления ужасные, — я думаю, что они еще начали развивать во мне ту мучительную нервность, от которой я страдал всю мою жизнь и наделал в ней много неоправдываемых глупостей и грубостей.

Плодом супружества Страхова и моей тетки было шесть человек детей — три дочери и три сына, из которых двое были немного меня старше, а третий ровесник. И так как для их воспитания в доме были русский и немецкий учителя и французженка, а мои родители ничего такого держать для меня не могли, то я жил у Страховых почти до восьми лет, и это послужило мне в пользу: я был хорошо выдержан, то есть умел себя вести в обществе прилично, не дичился людей и имел пристойные манеры — вежливо отвечал, пристойно кланялся и рано болтал по-французски.

Но зато рядом с этими благоприятностями для моего воспитания и душу мою вкрались и некоторые неблагоприятности: я рано почувствовал уколы самолюбия и гордости, в которых у меня выразилось большое сходство с отцом. Я был одарен несомненно б?льшими способностями, чем мои двоюродные братья, и что тем доставалось в науках с трудностями, то мне шло нипочем. Немецкий учитель Кольберг имел неосторожность поставить

это однажды на вид тетке, и я стал замечать, что мои успехи были ей неприятны.

Это во мне зародило подозрение, что я тут не на своем месте, и вскоре пустое обстоятельство это решило так, что меня должны были отсюда взять.

Страхов умер в Москве, куда тетушка повезла его лечить и не вылечила...

Он там схоронен на Ваганьковом кладбище. Тетушка возвратилась в Горохово и стала входить ближе в хозяйство и в воспитание детей. Тогда же в доме появился в качестве опекуна ее соседний помещик Н. Е. Афросимов, невероятный силач и невероятный циник, которого за это последнее терпеть не мог мой отец. Афросимов это знал и платил ему тем же. Отец мой в его глазах был “неуклюжий семинарист”.

О силе Афросимова у нас ходил такой анекдот, будто в двенадцатом году на небольшой отряд, с которым он был послан на какую-то рекогносцировку, наскочили два французских офицера. Афросимов не приказал солдатам защищаться, а когда французы подскочили к нему с поднятыми саблями, он одним ловким ударом выбил у них эти сабли, а потом схватил их за шиворотки, поднял с седел, стукнул лоб о лоб и бросил на землю с разбитыми черепами.

Не знаю, сколько в этом рассказе правды, но ему все верили, и Н. Е. пользовался большим уважением в дворянстве, предводитель которого и вверил ему страховскую опеку [Баснословие это, вложенное в уста бабки Акилины Васильевны (“Из одного дорожного дневника” — “Северная пчела”, 1862, № 351), нашло себе применение в гл. 82 “Смеха и горя” и в неопубликованном еще рассказе “Пчелка” из цикла “Картины прошлого”, 1883 (Центральный государственный литературный архив, Москва; в дальнейшем цитируется сокращенно: ЦГЛА). — А. Л.].

Во мне он невзлюбил “семинарское отродье” и на первых же порах нанес мне тяжкую обиду, которая теперь мне смешна, но тогда казалась непереносимой.

Дело в том, что по докладу неосторожного, но честного Кольберга меня за благонравие и успехи хотели “поощрить”. Для этого раз вечером собрали в гостиную всех детей. Это было в какой-то праздник, и в доме случилось много гостей с детьми почти равного возраста. Н. Е. держал ко всем нам речь, в которой упомянул о моих добрых свойствах и заключил тем, что мне за это дадут похвальный лист. Тут же был и этот лист, перевязанный розовой ленточкой.

Мне велели подойти к столу и получить присужденную мне семейным советом награду, что я и исполнил, сильно конфузясь, тем более что замечал какие-то неодобрительные усмешки у старших, а также и у некоторых детей, коим, очевидно, была известна затеянная против меня злая шутка.

Вместо похвального листа мне дали объявление об оподельдоке, что я заметил уже только тогда, когда развернул лист и уронил его при общем хохоте.

Эта шутка возмутила мою детскую душу, и я не спал всю ночь, поминутно вскакивая и спрашивая, “за что, за что меня обидели?”

С тех пор я ни за что не хотел оставаться у Страховых и просил бабушку написать отцу, чтобы меня взяли. Так и было сделано, и я стал жить в нашей бедной хибарке, считая себя необыкновенно счастливым, что вырвался из большого дома, где был обижен без всякой с моей стороны вины.

Но зато, однако, мне негде было более учиться, и я снова теперь возвращаюсь к тому, что меня отвезли в Орловскую гимназию.

Я был помещен на квартире у некоей Аксиньи Матвеевны, которой за весь мой пансион платили 15 р. ассигнациями (4 р. 30 коп.) в месяц. За что я имел комнату с двумя окнами на Оку, обед, ужин, чай и прислугу. Теперь невероятно, а тогда это было можно.

Я скучал ужасно, но учился хорошо, хотя гимназия, подпавшая в то время управлению директора Ал. Як. Кронеберга, велась из рук вон дурно. Кто нас учил и как нас учили — об этом смешно и вспомнить. В числе наших учителей был один, Вас. Ал. Функендорф, который часто приходил в пьяном бешенстве и то засыпал, склоня голову на стол, то вскакивал с линейкой в руках и бегал по классу, колотя нас кого попало и по какому попало месту. Одному ученику, кажется Яковлеву, он ребром линейки отсек ухо, как рабу некоего Малху, и это никого не удивляло и не возмущало.

Ездил я домой в год три раза: на летние каникулы, на святки и на страстной неделе с пасхою. При этой последней побывке мы с отцом всегда вместе говели, — что мне доставляло особенное удовольствие, так как в это время бывает распутица и мы ездили в церковь верхом”.

Отец

Семен Дмитриевич Лесков.

«В семье считали, что родился он в 1789 году.»

«Отец мой был близок к Рылееву и Бестужеву, попал на Кавказ, потом приехал в Орел, женился и, при его невероятной наблюдательности, и проницательности, прослыл таким уголовным следователем, что его какие-то сверхъестественные способности прозорливости дали ему почет, уважение и все, что вы хотите, кроме денег, которыми его позабыли. Он рассердился, забредил, подобно вам, полями и огородами, купил хутор и пошел гряды копать, но... неурожаи, дрязги мужичьи, грозы, надежи и прочие прелести, о которых мы позабываем, предаваясь буколическим мечтаньям, так

его выгладили, что из него в пять лет вышла дрязга, а потом он и умер, оставив кипы бумаг, состоявших из его переводов Квинта Горация Флакка и Ювенала, деланных им в те годы, когда матери нечем было ни платить за нас в училище, ни обувать наши ножонки /буквально/»[Письмо от 16 апреля 1871 г. — “Шестидесятые годы”. Изд-во АН СССР, М. — Л., 1940, с. 313.]

Выразителем одного из приступов мизантропии и ипохондрии может служить как бы завещательное наставление, писавшееся Семеном Дмитриевичем в риторически-высоком “штиле”, еще до переселения в деревню, пятилетнему первенцу при каком-то, явно незначительном, недомогании:

“Любезный мой сын и друг!

Николай Семенович!

В дополнение завещания моего, оставленного твоей матерю, достойной всякого уважения по личным ее, мне более известным преимуществам, оставляя сей суетный свет, я рассудил впоследствии побеседовать с тобою, как с таким существом, которое в настоящие минуты более прочих занимало мои помышления. Итак, выслушай меня и, что скажу, исполни: 1-е. Ни для чего в свете не изменяй вере отцов твоих. 2-е. Уважай от всей души твою мать до ее гроба. 3-е. Люби вообще всех твоих ближних, никем не пренебрегай, не издевайся. 4-е. Ни к чему исключительно не будь пристрастен; ибо всякое пристрастие доводит до ослепления, в особенности ж к вину и к картам; нет в мире зол заманчивей и пагубнее их. Я просил бы, чтоб ты вовсе их не касался. 5-е. Вообще советую тебе избирать знакомых и друзей, равных тебе по званию и состоянию, с хорошим только воспитанием. 6-е. По службе будь ревностен, но не до безрассудства, всегда сохраняя здоровье, чтобы к старости не быть калекою. 7-е. Более всего будь честным человеком, не превозносись в благоприятных и не упадай в противных обстоятельствах. 8-е. Между 25 и 35 годами твоего возраста советую тебе искать для себя подруги, в выборе которой наблюдай осторожность, ибо от нее зависит все твое благополучие. Ни ранее, ни позднее сих лет я не желал бы тебе вступать в супружеские связи. 9-е. Уважай деньги, как средство, в нынешнем особенно веке, открывающее пути к счастью; но для приобретения их не употребляй мер унижительных, бесславных. 10-е. Будь признателен ко всем твоим благодетелям. Черта сия сколько похвальна, столько ж и полезна. 11-е. Уважай девушек, дабы и сестра твоя не подверглась иногда какому ни есть нареканию. 12-е. Кстати о сестре, она тебя моложе пятью годами. Когда будешь в возрасте, замени ей отца, будь ей руководителем и заступником. Нет жалчее существа, как в сиротстве девица, заметь это и поддержи последнюю мою о ней к тебе просьбу, ты утетишь тем меня даже за могилу.

13-е. Преимущественно хотелось бы мне, чтоб ты шел путем гражданской службы, военная по тягости своей и по слабости твоего сложения скорее может тебя погубить.

Я хотел бы излить в тебя всю мою душу, но довольно, моя минута приближается. Остальное предпишет тебе твоя мать и собственное твое благоразумие. Рука моя слабеет. Прощай, прощай, мой бесценный, мой единственный сын! Бог тебе на помощь!

Отец твой Семен Лесков

г. Орел, 1836 года.” [Арх. А. Н. Лескова.]

Мать

Марья Петровна Лескова

Марья Петровна Лескова,
мать писателя.
Фотография 1873 г., Киев.

Мария Петровна, по родству, была человеком совсем иного, чем ее муж, круга, а с тем и во всем других взглядов, вкусов, привычек, влечений.

Родилась она 18 февраля 1813 года в Орле. Происходила из рода Алферьевых, орловской же породы, служивших на средних должностях в московском Сенате и других учреждениях первопрестольной.

Отец и мать ее, потеряв при пожаре Москвы 1812 года все, находившееся там, достояние свое, к отроческим ее годам жили в селе Горохове у Страховых.

Воспитана она была в обычном дворянском стиле: музицировала, говорила по-французски, умела держать себя в обществе,

вести в гостиной легкую светскую беседу, вставить к месту острое русское словцо или красивое иноземное выражение, рукодельничала, знала хозяйство. В итоге все, что требовалось тогда для выхода замуж, было налицо, кроме самого главного — приданого. А без него виды на “хорошую партию” были слабы. Не было и видного, чиновного или общественного, положения, у отца, не хватало и красоты, покрывавшей в добрый час все нехватки. Оставалась одна цветущая юность с сопровождающей ее часто миловидностью. Не велико богатство.

Однажды Лесков писал, что его мать — *“чистокровная аристократка влюбилась”* в его отца — *“дремучего семинариста”* [Письмо Н. С. Лескова к П. К. Щебальскому от 16 апреля 1871 г. — “Шестидесятые годы”, с. 313.].

Марья Петровна была женщина большой воли, трезвого ума, крепких жизненных навыков, чуждая сентиментальностей и филантропии, властного нрава. По определению сына-писателя — “характера — скорого и нетерпеливого” [“Юдоль”, гл. 1, 20 и 21. Собр. соч., т. XXXIII, 1902–1903.]. Несмотря на большую разницу лет между супругами, домом и всем хозяйством правила она. Резко отличалась от своего, в панинские годы, чудившего мужа, была всесторонне деловита и практична, радея о насущном и не возносясь выспрь.

Ни в годы замужества, ни в постигшем ее на тридцать пятом году вдовстве она не искала острых личных переживаний, целиком отдаваясь заботам о муже, детях, конечно как умела, — пожалуй, так сказать, “с ухабцами и сухой колотью”. Избытка и радостей в глухой деревушке, на небольшом земельном клину, но с большой семьей, не могло быть. Была нужда, подчас крутая. А выдержала: детей, кроме одной постылой дочери, подняла и угол сберегла, не расточила.

Документ, рисующий отношения, существовавшие между матерью и старшим ее сыном:

“31 генв. 879 г. Спб.

Среда.

Дорогая матушка!

Когда вы получите это письмо, брат Алексей будет в дороге. Он и его спутница выезжают завтра, в четверг, 1-го февраля, в 7 часов вечера, с курьерским поездом, и, следовательно, приедут в Киев в субботу вечером. Брат довел дела до известного положения, в котором их могут закончить другие, и спешит к дому, к делам службы и к практике. Это вас должно успокоить. Он также везет гостинцы вам, Ольге и ее детям. Вообще он о всех вас помнит. — По вопросу о житье вашем, как вчера писано, я сегодня имел с ним разговор, результат которого можно считать удовлетворительным, если вы будете готовы принять условия (от оценки коих я отказываюсь). Алексей пожелал прочесть ваше последнее письмо ко мне. А я, не видя в этом письме ничего неудобного, — напротив, встречая в нем выражения любви вашей к нему, — не счел нужным отказать ему в этой просьбе. Это и дало мне повод переговорить о вашем желании остаться в Киеве. Я, конечно, не скрыл, что я советую вам уехать, и советую это именно ввиду прежних неладов ваших с его нынешнею невестою. Он отвечал, что “это самое лучшее и что иначе он не может”. Тогда я предложил: нельзя ли вас устроить в маленькой келейке и оставить там в покое? Он согласен на это, но с условием, чтобы вы ничем не возмутили спокойствие его невесты и жены, — даже ни разговорами о ней с дядею или с прислугою. Я отвечал, что такие условия невозможны, потому что мало ли на свете вестовщиков и сплетников, которые могут сказать, что

мать сказала то или другое, и тогда сейчас с нее начнется взыск. Это не в порядке вещей, и в этом тоне я не считаю даже возможным продолжать переговоры и, для спокойствия общего и для достоинства матери, желал бы, чтобы она не согласилась подвергаться всяким случайностям, а уехала бы к сестре Ольге. Он сказал, что это и для него наилучшее, но что вы не уедете. За сим я, признаюсь, более уже ничего не понимаю и должен умолкнуть. “Потроха” все сразу, по его мнению, не надо брать. Конечно, можете их брать, можете и оставить до апреля. В апреле, он полагает, что вы приедете повидаться, на время, — и тогда заберете “потроха”. Просить вас остаться он решительно не хочет, а если вы будете проситься оставить вас, то вам будут предложены сказанные зависимые и, по-моему, совершенно невозможные условия. Однако, согласясь на них, вы еще можете остаться в Киеве, если это вам так нужно и дорого. Все это в воле вашей, но моего совета на это нет, и добра я вам от этого предсказать не решусь. Я бы на вашем месте ни за что на это не согласился, но вы поступите по усмотрению своему. Может быть, я и ошибаюсь. Брат уезжает в прекрасном, веселом расположении духа, и вы хорошо сделаете, если не встретите его с лицом недовольным. Все, чего вы не желали, уже совершилось, и переделать этого нельзя. Нечего уже теперь ныть и ворковать, а надо бодро смотреть вперед и научить свою скорбь быть гордою. О любви своей к нему лишнего не говорите. Какая же мать не любит сына, да еще такого хорошего, как Алексей? Что же он, в самом деле, Сергей Петрович, что ли, который всего матери жалел и выбросил ее из дома без всякой причины. Он берег вас и сестру выдал замуж братски. Что же его не любить? Вы хорошая мать, но такого сына и дурная мать любила бы. Зачем же об этом говорить? Расстаньтесь как можно более спокойно и смиренно. Это все, что может вам желать лучший друг ваш. Остальное покажет время, которое бывает изобретательнее нас. Преданный вам сын Николай.” [Арх. А. Н. Лескова.]

Бабушка Акилина

Бабка Акилина родилась в 1790 году в Москве в весьма достаточной купеческой семье Колобовых.

По утверждению внука-беллетриста, она была взята “в дворянский” род “не за богатство, а за красоту”, причем “лучшее ее свойство было — душевная красота и светлый разум, в котором всегда сохранялся простонародный склад. Войдя в дворянский круг, она уступив многим его требованиям и даже позволила звать себя Александрой Васильевной, тогда как ее настоящее имя было Акилина [“Несмертельный Голован”,

гл. 2, 8, 12. Собр. соч., т. IV, 1902–1903.]

На самом деле о красоте ее в родстве никто другой не говорил. Была статность, рост, беспретензионная пригожесть.

Рождение и детство

Передо мною фотографический переснимок с очень нехитрого рисунка, внизу которого стоит полувыцветшая надпись моего отца:

“Господский дом в селе Горохове, Орловск(ой) губернии, в этом доме родился Николай Сем(енович) Лесков и тут же проведено его детство” [Арх. А. Н. Лескова.]

“Я родился в 1831 году в семье своей первенцем. Матушка моя, принадлежавшая в юности к числу деревенских барышень, которые в то время знали наизусть очень много стихов, втайне делала по случаю моего рождения очень для меня лестное и поэтическое сближение.

В этом году Лермонтов написал своего “Ангела”, и старшая сестра моей матери, бывшая замужем за важным сановником в Петербурге, вместе с поздравлением по случаю моего рождения прислала списанное ею стихотворение: “Он душу младую в объятиях нес для мира печали и слез... и звуков небес заменить не могли ей грустные (скучные. — А. Л.) песни земли”.

Матушка, читая эти стихи, целовала меня и в одно и то же время улыбалась и плакала. Она чувствовала себя счастливой, что ангел принес мне хорошую душу, и плакала об ожидающей меня участи.

В Гороховском доме, в котором родился будущий “волшебник слова”, жила и любимая им и любившая его прекраснодушная бабушка Александра (Акилина) Васильевна Алферьева, бравшая его с собой в восхитительные и полные впечатлений поездки по не дальним монастырям.

“Путешествие... с елейной старушкой и с ее добродушнейшим старичком кучером Ильёю Васильевичем составляло для меня вовсе годы моего детства наивысочайшее наслаждение.

Я был адъютантом старушки с самого раннего возраста. Еще шести лет я с ней отправился в первый раз в Л-скую (Ливенскую? — А. Л.) пустынь на рыжих ее кобылках и с тех пор сопровождал ее каждый раз, пока меня десяти лет отвезли в губернскую гимназию. Поездка по монастырям имела для меня очень много привлекательного... Едем, бывало, рысцой; кругом так хорошо: воздух ароматный; галки прячутся в зеленях, люди встречаются, кланяются нам, и мы им кланяемся. По лесу, бывало, идем пешком; бабушка мне рассказывает о двенадцатом годе, о Можайских дворянах, о своем побеге из Москвы, о том, как гордо подходили французы, и о том, как потом безжалостно морозили и били французов. А тут постоялый двор, знакомые дворники, бабы с толстыми брюхами и с фартуками, подвязанными выше груди, просторные выгоны, по которым можно бегать, — все это пленяло меня и имело для меня обязательную прелесть. Бабушка примется в горенке за свой туалет, а я отправляюсь под прохладный, тенистый навес к Илье Васильевичу, ложусь возле него на вязке сена и слушаю рассказ о том, как Илья возил в Орле императора Александра Павловича... Феакийцы не слушали так Одиссея, как слушал я кучера Ильёю Васильевича” [“Овцебык”, гл. 4, 5. — “Отечественные записки”, 1863, № 4; Собр. соч., т. XIV, 1902–1903, с. 27.]

Жилось с бабушкой мальчику хорошо

Последние предгимназические годы он живет с родителями, сперва в Орле, в незатейливом доме на Третьей Дворянской, над самой речкой Орликом, а затем в купленном ими с отставкой Семена Дмитриевича именице Панино.

В Орле ему почти ежедневно приходится видеть, как внизу, на выгоне за Орликом, по утрам муштруют солдат, а потом бьют их палками. Он потрясен и плачет [“Несмертельный Голован”, гл. 3; “Пугало”, гл. 2.].

Ни в Орле, ни в Панине нет гувернеров, гувернанток, чопорности, высокомерия богатого родства, учиняемых исподтишка наглостей заевшейся Гороховской дворни. Здесь все просто, свободно, малопризорно, а с тем и весело.

Известие о предстоящем вскоре переезде из города на житье в деревню исполняет восторгом.

Надежды счастливо оправдываются. В Панине сразу же создается обширный круг знакомых из людей самых разнообразных положений и возрастов. Особенно пленителен старый мельник, дедушка Илья. Каких только тайн природы и чудесных происшествий не знает он? Тут и сказочные кикиморы, и леший, и оборотни со всеми их проделками, каверзами и проказами.

Имея уже четверть века писательства за плечами и тепло вспоминая своего негаданного друга, забавника и наставника, Лесков благодарно и убежденно восклицал:

“Лесные родники осиротели бы, если бы от них были отрешены гении, приставленные к ним народною фантазией”.

Еще в Панине он уже близок и мужикам, и парням, и ребятишкам, с которыми пасет лошадей “на кулигах”, ловит с ними пескарей и гольцов в узенькой, но чистой речке Гостомле, сам загоняет в пруд ореховой хворостиной гусей... Дни и ночи в живом общении с народом, почерпая от него ценнейшие знания и горячо принимая к сердцу строгий наказ дружившего с ним умильного мельника:

“Ты вот что, — говорил мне дедушка Илья: — ты мужика завсегда больше всех почитай и люби слушать” [“Пугало”. Собр. соч., т. XIX, 1902–1903, с. 32.].

И Лесков учился понимать и любить мужика. Что же равное мог я услышать в городе Санкт-Петербурге, какого “мужика” увидеть, кроме выдрессированного приказчика — в “колониальном” или “галантерейном” магазине, или вымуштрованного дворника в белом переднике с большой бляхой на груди. Это был “народ”, которому, по старому присловью, “Питер все бока вытер”. Вытер и душу. Немного ее было и в самом городе, в котором на каждом шагу “как шиш торчал” либо “красный ворот”, либо чиновничий “вицмундир”.

В мелкопоместном Панине нет изысканности манер и барственности, но есть книги, которыми не могло хвалиться пышное Горохово. Есть и духовные, и светские.

Понуждения к учебе не было, и будущий ненасытимый книголюб пристращается к чтению собственной охотой. Вот как рассказал он о первых своих шагах на этом поприще:

“Из всех книг, которые я прочел в продолжение моей жизни, самое памятное и самое глубокое впечатление дали мне следующие:

А) “Сто четыре священные истории” с картинками. Я выучился грамоте сам, без учителя и прочел эту книгу, имея пять лет от роду. Все ее истории сразу врезались мне в память, но не все они меня удовлетворили: по ним я очень полюбил Иисуса Христа, но удивлялся, что он на некоторые предлагавшиеся ему вопросы отвечал как будто неясно и невпопад. Это меня мучило, и я стал подозревать, что тут что-то не так рассказано. После я читал множество книг, но это все-таки помнил и всегда хотел узнать: так ли Христос отвечал, как написано в книге “Сто четыре истории”.

Б) Вторая памятная мне книга была “Чтение из четырех евангелистов”. Личность Христа из нее мне более выяснилась, но ответы его совопросникам по-прежнему оставались неясными. Это было в первом классе гимназии, когда мне было десять лет” [ЦГЛА].

Гимназия

В живой беседе мне не приходилось слышать воспоминаний отца, относящихся к гимназической его поре. Он явно опасался возможных при этом, остро досадительных ему, вопросов о школьных его успехах. Спрашивать о том, о чем сам он не охот был говорить, — семейным, тем паче младшим, не надлежало. Этого и держались. Знали только ощупью, что какая-то тут неудача была и что, пробыв в гимназии пять лет, он почему-то ее бросил, окончив, должно быть, пять классов

(Из детских воспоминаний писателя)

“Я учился в Орловской губернской гимназии, — в первом классе. Это было в начале сороковых годов. Мне тогда только исполнилось десять лет. Родители мои были небогатые дворяне и имели свою деревишку в Кромском уезде. Называлась деревишка Панин Хутор.

Отец с матерью и маленькие братья с сестрами там и жили, а меня привезли в августе в Орел и “сдали в гимназию”, а на квартиру поставили к повивальной бабке за безводной рекой Перестанкою. У бабушки этой был сын, гимназист третьего класса, (который) назывался Никишенька и по отчеству тоже он был Никитьевич, и жили они в своем доме у Никития. А саму бабушку звали Порфирьевна. Крестное имя ее было Антонида, но этого имени никто не произносил, а просто говорили “бабушка Порфирьевна”. Бабушке было в то время лет под сорок, но она уже давно вдовела и вела жизнь примерную. Добрая была, рассудительная и аккуратная; а по своему повивальному делу славилась во всем орловском купечестве, и платили ей по тогдашнему дорого — ни за что не меньше золотого и темной материи на платье. У Порфирьевны “была такая амбиция”, что меньше золотого она ни за что не брала: если бедная женщина к ней обратится, то она сходит и так даром, бесплатно ей поможет, но уж платы иначе как золотом не возьмет. Ее уважали, и она, должно быть, заслуживала уважения. Три раза в год ей насылали “даров”. Дары бывали “богатые, средственные и бедные”, но всегда “усердные” и непременно “в трех видах” — соображая по времени. К рождеству “живность” — разная битая птица: куры, гуси, утки и индейки; к масленице — огромнейшие, длинной формы пшеничные хлебы “с уборцами” и стегно малосольной рыбы, преимущественно севрюжины. Хлебы были особенные и назывались “прощеными пирогами”, или “пряниками”. Вкусу в них не полагалось решительно никакого, и они во весь пост составляли для нас с Никишею сущее наказание, потому что из них засушивали сухари и выдавали их нам вместо свежих булок, которые зато на все это время отменялись. К пасхе же бабушке присылали в дар мучное и молочное: масло, яйца, творог, сметану и крупчатую муку на куличи.

Еда нам, впрочем, всегда была отличная, потому что у бабушки всего было много. Кроме тех даров, которые присылались три раза в год “по положению”, ей приносили чаю, сахару и кофе и варенья в разные дни — в именины ее и в рождение, в “причащенье день”, и в несрочные дни, после каждого пооя, “на кашницу”.

“На кашницу” приносилось всего, что где случалось, — и вареного, и печного, и жареного. Сама Антонида Порфирьевна ничего этого не кушала, потому что она была “человек не домашний”, — дома ей случалось бывать очень редко и ненадолго, и потому она была “у всех как своя, а у себя дома конфузилась”. Есть у себя дома решительно не любила, и все изобилие съестных даров истребляли мы с Никишенькой да “служанка” — старушка Игнатьевна, которая совсем заплыла жиром.

Так, с материальной стороны, нам было очень хорошо, но зато не было нам никакого нравственного воспитания, а порчи было множество.

Постройки тогда в Орле в этой части города были такие, как “свиное каре”: на все четыре стороны квартала дома окнами на улицы, а “задами вместе”.

Тут, “на задах” были огородцы, или “угородцы”, на которых росли ягодные кусты и овощи, а также и цветы. Из цветов, впрочем, были только разноцветные розы и шиповник. “Угородцы” не были отделены один от другого ничем или изредка разделялись только низкими и реденькими плетнями, через которые соседи без малейшего затруднения ходили друг к другу покурить, посплетничать, иногда нарвать чужих огурцов и подраться, а иногда нагрешить чем-нибудь еще тягостнее.

Описание гимназии

“Так, в О(рловск)ой гимназии, где я учился, классные комнаты были до того тесны, что учителя затруднялись найти ученику, отвечающему урок, такое место, до которого бы не доходил подсказывающий шёпот товарищей, духота всегда была страшная, и мы сидели решительно один на другом. Между тем наверху было несколько свободных комнат и прекрасная зала, в которую нас впускали раз в год, в день торжественного акта; остальные 364 дня в году двери залы были заставлены какими-то рогатками... Говоря о том, что в О/рлов/ской гимназии лет 12 тому назад было только одно отхожее место, устроенное на черном дворе, за инспекторскою кухнею, и что в нем было только две лавки с четырьмя сиденьями, к которым во время 1/4 часовой перемены толпились ученики всех семи классов, я вспоминаю множество забавно грязных и грустно смешных сцен, поводом к которым были ожидание вакантного места. Смешно сказать, а мне сильно сдается, что нужное место О/рлов/ской гимназии имело вредное влияние даже и на нравственную сторону воспитанников. По крайней мере там мы поневоле приучались пользоваться неправомерием, кулачным правом, равнодушием к нужде ближнего и даже взяткою за место. Известно, что дети всегда стараются подражать во всем старшим” [“Заметка о зданиях”. — “Современная медицина”, 1860, № 29.].

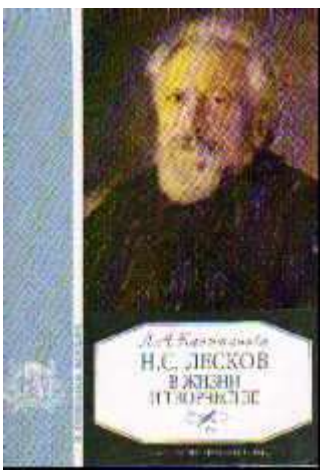
Учат в гимназии как попало, но бьют исправно. Навестив родные места много лет спустя и побеседовав с одним четырнадцатилетним землячком-гимназистом, Лесков удовлетворенно отмечает, что теперь он “училища не боится, как мы его боялись. Рассказывает, что у них уж не бьют учеников, как бывало нас все, от Петра Андреевича Азбукина, нашего инспектора, до его наперсника сторожа Леонова, которого Петр Андреевич не отделял от себя и, приглашая ученика “в канцелярию”, говорил обыкновенно: “Пойдем; мы с Леоновым воспитуемся” [“Житие одной бабы”. — “Б-ка для чтения”, 1863, № 8, с. 66.].

О самом учении в этом рассаднике знаний Лескову было “смешно и говорить”. Родители его, может быть не без помощи многоимущей тетки, ежегодно платят огромную по тогдашней цене денег, сумму в 600 рублей ассигнациями, или около 171 рубля серебром, за “право учения”, которым первенец упорно не пользуется.

В конце концов дело кончается жестоким конфузом: после пятилетнего пребывания в гимназии, осенью 1846 года, одаренный юноша отказывается от переэкзаменовки в четвертый класс и получает поистине жалкую “путевку в жизнь”:

“Предъявитель сего ученик 3-го класса Орловской губернской гимназии Николай Лесков, как видно из документов его, сын надворного советника Семена Лескова; от роду имеет пятнадцать лет, вероисповедания православного, поступил по экзамену в 1-й класс гимназии 29 августа 1841 г. и, находясь в ней по нижеписанное число, в продолжение всего этого времени вел себя хорошо и был переводим по испытаниям в высшие классы, из 1-го во 2-й класс в июне 1843 г., и в них изучил положенные предметы с следующими успехами, а именно: священную и церковную историю с отличными, языки: русский до словосочинения с хорошими, латинский с хорошими, немецкий с достаточными, французский с посредственными, арифметику с достаточными, географию до подробного описания европейских государств с хорошими, чистописание с достаточными и черчение и рисование с достаточными. Но как он, Лесков, испытанию в предметах 3-го класса не подвергался, то если бы он желал поступить в университет или лицей, то, согласно предписанию господина министра народного просвещения от 16 октября 1841 года за № 10401, не прежде может быть принят, как по прошествии пяти лет со дня удостоения к переводу его в 3-й класс, т. е. с 1 июня месяца 1843 г. Кроме того, он, Лесков, как не окончивший полного курса гимназии, не может пользоваться правами и преимуществами, предоставленными таковым ученикам; при испытании же на первый классный чин он должен быть освобожден от такого испытания книг из священной и церковной истории и арифметики. В удостоверение чего и дано ему, Лескову, сие свидетельство по определению Совета Орловской губернской гимназии, состоявшемуся 20 сего августа. Орел. Август 20-го дня 1846 года” [“Орловские губернские ведомости”, 1900, № 96, 16 марта.]

«Предел учёности»

Невольно возникает вопрос — какие же причины вынудили Лескова оставить гимназию?

Больше всего, кажется, их надо искать в равнодушии, если не отвращении, мальчика с пытливым мышлением и живым темпераментом к мертвенно-схоластической “учености” этой своеобразной школы.

Далее — грубость и бездушность многих насадителей этой учености, или сопутствуемых жестоко “воспитующими” сторожами, а то и отсекающих, спяну, кому-нибудь линейкой ухо.

Затем — полная свобода и бесконтрольность жизни у щедропитательной повитухи или на другой ученической квартире, при полном безразличии хозяев этих квартир к выполнению малолетним их постояльцем своих ученических обязанностей, приготовлению уроков.

Ко всему этому — с детских дней неодолимое влечение к запойному чтению книг, как на грех обильных в “масальской” библиотеке, открытой мальчику расположением Настасьи Сергеевны Зиновьевой.

Самое важное, биографически, подтверждено Лесковым в одной из самых поздних его бесед:

“ — Мне кажется, я подготавливался к нему (литературному поприщу. — А. Л.) постепенно с самых малых лет... Началось это с чтения самых разнообразных книг, а в особенности беллетристов, во время моего пребывания в Орловской гимназии. Я в этом городе посещал дом А. Н. Зиновьевой, племянницы писателя кн/язя/ Масальского. У 2-жи Зиновьевой была богатая библиотека, доставлявшая мне массу материала для чтения, — я перечел ее почти всю... Так началось мое умственное развитие, продолжавшее затем быстро прогрессировать благодаря близкому знакомству с такими личностями, как, например, А. В. Маркович, муж писательницы Марко-Вовчек, и С. С. Громека” [В[иктор] П[ротопопов]. У Н. С. Лескова. — “Петербургская газ.”, 1894, № 326, 27 ноября. Ср.: Фаресов, с. 16.]

Так или иначе, как сам Лесков писал впоследствии, был положен “предел правильному продолжению учености”. Об этом в тайне сердца своего он потом не раз горько пожалеет.

Для родительского самолюбия и планов это был удар. С отличием окончивший когда-то несравненно более трудную школу, чем Уваровская гимназия, отец был озадачен. Мать корила сына и леностью и безучастием к

интересам семьи, как и к своим собственным. Через сорок лет, за полгода до своей смерти, на мой вопрос, в чем тут было дело, она, без тени прощения или забвения давней обиды, жестко отрезала: “не хотел учиться!”

Отсутствие солидного образовательного диплома болезненно уязвляло Лескова всю жизнь. И чем сильнее кровоточила эта рана, тем горячее хотелось убедить не только других, но и самого себя в том, что это результат не личного своеволия, а драматически сложившихся обстоятельств: смерти отца, гибели всего состояния семьи в знаменитом орловском пожаре, необходимости на жалкий оклад канцелярского служителя поддерживать семью, жившую, пусть и на невеликой, но на своей земле, со своими крепостными.

Мощь исключительного дара самовнушения приводит его с годами к почти искренней вере, что и на самом деле все так и было.

Ошибка, совершенная по юношескому легкомыслию, оказывалась непоправимой.

Всю жизнь, кроме разве последних лет, случайно заданный кем-нибудь в оживленной беседе вопрос: “а вы сами, Николай Семенович, ведь тоже Киевского университета?” — был нестерпим и оставался или без внятного ответа, или как бы не услышанным, заминался сторонней репликой.

“Удивляюсь, — говорил он уже в поздние годы, — как это среди нас можно говорить, где кто кончил курс наук. Что за департаментская точка зрения на человека! При определении его на службу спрашивают его аттестаты и дипломы; а в литературе нужны только честные и даровитые люди... Литератор — не ученый, а более чем ученый. Кроме ученых знаний, он понимает, куда с этим багажом следует ехать... В этом его преимущество... Я нигде не кончил курса, но не могу сказать, чтобы я не учился, так как до седых волос не расстаюсь с книгой. Можно ли сказать, что я не проходил высшего образования? В литераторе важно личное его настроение и дарование, а не то, где он окончил курс наук” [Фаресов. Против течений. СПб., 1904, с. 390, 391.]

Даже и здесь, уже в период полного признания его широкой общественностью, звучит больная нотка всегда точащей душу досады. Она сильнее и искреннее, чем попытка уврачевать дух самоубеждением, что и не учась смолоду, можно позже многое наверстать. Иначе почему из всех русских писателей в одном Тургеневе Лесков видел стройно и много учившегося человека.

Знания и школа никогда не вредили таланту. Они его обогащали, придавая глубину, красоту и блеск, как грань алмазу.

Вопрос об образованности Лескова был через пять лет после его смерти довольно неловко вынесен на столбцы “Нового времени” бывшим его сослуживцем по Ученому комитету Министерства народного просвещения В. Г. Авсеенко.

Совершенно неожиданно, вместе с третьим его “маленьким фельетоном” на эту тему, в том же номере газеты появился беспощадно сводивший на нет все потуги Авсеенко доказать “худость” Лескова “большой” фельетон, относивший Лескова к образованнейшим людям своего времени.

“Лесков, — писал автор статьи, — это — училище, сокровище ума, образования, размышления, не говоря уже о наблюдательности; он возбуждает бездну теоретических, так сказать “университетских” вопросов, и очевидно чрезвычайно многое для себя “университетски” же, со строгостью профессора, но и еще с прибавкою таланта, разрешил. В невежестве можно признаться, когда это утилитарно, может послужить делу, доказыванию. Итак, сознаюсь, что из печатавшихся теперь о нем заметок я впервые узнал, что Лесков в университете не был, да и вообще нигде не кончил” [“Новое время”, 1900, №№ 8701, 8705, 8710.].

“Самоучка” уже не всегда и не всеми чувствовался.

3. Мемориальный музей Н.С. Лескова. Орёл. Россия

«Наш дом в Орле был на Третьей Дворянской улице...» - писал в одном из своих произведений самобытнейший русский писатель, тонкий знаток быта и нравов разных сословий России 19 века Николай Лесков.

Орел - литературная столица России. Но среди писателей-орловчан самым «орловским» признан Николай Семенович Лесков. И не только потому, что он прожил в этом городе восемнадцать лет - дольше, чем любой другой классик. Творчество Лескова насквозь пропитано Орлом - городом купеческих лавок, колокольного звона, кулачных боев, причудливых характеров и неповторимо пластичного русского языка.

Старый Орел описан Лесковым весь – от собственного дома до кладбища. Высокий берег реки Орлик в память о писателях-земляках Тургеневе и Лескове жители Орла называют «Дворянским гнездом» и «Бережком Несмертельного Голована». Здесь, в доме 9 по улице Октябрьской (в старое время - Третьей Дворянской), 2 июля 1974 года был открыт единственный в стране и во всем мире литературно-мемориальный музей Николая Семёновича Лескова. В доме, где прошли детские годы писателя, развернута литературно-мемориальная экспозиция, рассказывающая о жизни и творчестве «волшебника слова», творца целой галереи образов праведников и талантов русской земли.

В 1945 году сын и биограф писателя Андрей Николаевич Лесков установил, что земельный участок, на котором сейчас расположен Дом-музей, в 1832–1842 годах принадлежал дворянскому заседателю орловской судебной палаты Семёну Дмитриевичу Лескову, отцу писателя. Орловская усадьба Лесковых - то самое «дворянское гнездо», название которому дал Тургенев. В ту пору это была улица Верхняя (Третья) Дворянская в старинной части города, где стояли особняки дворян. Этот адрес Лесков упомянул в «Несмертельном Головане».

Здесь Лесков жил с 1831 по 1839 годы,

окруженный своими будущими героями и атмосферой «дворянского гнезда». 5 марта 1945 года, в день 50-летия со дня смерти Лескова, на доме № 9 по улице Октябрьской (бывшая Третья Дворянская) была открыта первая мемориальная доска, посвящённая Лескову, с надписью: «В этом доме провел свои детские годы (1831-1839) знаменитый русский писатель Николай Семенович Лесков». «Наш дом в Орле, - писал Н.С.Лесков, - был на третьей Дворянской улице и стоял третий по счету от берегового обрыва над рекою Орлик». Сейчас в этом доме размещается экспозиция музея Лескова, владеющего самой значительной коллекцией лесковских меморий.

Музей хранит память о его родных и знакомых. О матушке, отлично вышивавшей бисером - здесь сохранилось ее рукоделье. О бабушке, паломнице и богомолке, знавшей историю всех монастырей епархии, все монастырские легенды и тайны. О нянюшке, прожившей почти сто лет и за неутомимую резвость прозванную Репортером, - от нее музею остались кухонные разновесы.

О Головане, к которому удирал маленький Коля Лесков на то самое местечко, что и ныне зовется бережком Несмертельного Голована. Орел стал многоликим героем Лескова. Его старые здания служат иллюстрациями ко всем известным романам, повестям и рассказам. Такова славная святым источником Богоявленская церковь, такова гимназия, где, кроме Лескова, учились Л.Андреев, Г.Мясоедов, полярник В.Русанов, - одно из первых кирпичных зданий в Орле. Таков и Петропавловский собор, упомянутый в «Грабеже», - ныне на этом месте библиотека имени Бунина. Таковы Никитская церковь, описанная в «Мелочах архиерейской жизни», губернаторский дом (ныне областной суд), в котором Лесков бывал по делам службы, дом Мордовиных, где Лесков познакомился с Марковичами и Павлушей Якушкиным, изображенными им в «Овцебыке», упомянутое в «Леди Макбет Мценского уезда» место публичных наказаний - Ильинская площадь, ныне сквер Танкистов, Троицкое кладбище, на котором героиня «Тупейного художника» рассказывала о развлечениях графа Каменского.

Накопление лесковских экспонатов началось еще в 1918 году, когда в тургеневский музей попали письма Лескова. Много для будущего филиала сделал сын писателя Андрей Николаевич, сохранивший в годы ленинградской блокады вещи отца, написавший о нем книгу и надеявшийся, что когда-нибудь появится отдельный музей Н.С.Лескова. Его надежды сбылись.

В 1954 году в музее писателей-орловцев открылась комната Лескова, а через двадцать лет она развернулась и выделилась в отдельный мемориальный музей-филиал, который и остается единственным в мире музеем Лескова.

Основу экспозиции составили подлинные вещи Н.С.Лескова, позволившие доподлинно воссоздать интерьер последнего петербургского литературного кабинета писателя.

Издательница журнала «Северный вестник» Л.Я. Гуревич вспоминала: «Многочисленные старинные часы, которыми была уставлена и увешана его комната, перекликались каждые четверть часа. Бесчисленные портреты, картины в снимках и оригиналах, огромный, длинный и узкий образ Божьей Матери, висящий посреди стены, с качающейся перед ним на цепях цветною лампадою - всё это пестрело перед глазами со всех сторон, раздражая и настраивая фантазию. Красивые женские лица, нежные и томные, а рядом с ними — старинного письма образ или картина на дереве - голова Христа на кресте, в несколько сухой манере ранних немецких мастеров. Гравюры с картин французских романтиков и между ними фотография с суровой резкой картины Ге «Что есть истина?». На столах множество разноцветных ламп, масса безделушек, оригинальные или старинные резак, вложенные в наиболее читаемые книги: последние сочинения гр. Л.Толстого, «Жизнь Христа» Ренана. Отдельно в маленьком футляре простое, все испещрённое пометками и заметками Евангелие».

Многие вещи семейства Лесковых были подарены орловскому музею правнучкой писателя Татьяной Юрьевной Лесковой, которая вот уже долгие годы живёт в Бразилии, в Рио-де-Жанейро. В прошлом — известная балерина, а ныне - владелица частной балетной школы в Рио, Татьяна Лескова дважды посещала Дом-музей своего великого прадеда. В музее можно увидеть портрет

Лескова работы В.А. Серова (1894) подлинник которого находится в Третьяковской галерее). Андрей Лесков отмечал «безупречное, до жути острое сходство».

В литературной части экспозиции представлены документы, рукописи, прижизненные издания произведений Лескова, многочисленные фотографии и портреты писателя, книги мемориальной библиотеки, помеченные автографами, а также штампами их владельца «редкость» и «редкий экземпляр». Реконструировать лесковскую эпоху помогает введение в литературную экспозицию мемориальных вещей и предметов времени. Литературно-мемориальная экспозиция «В мире Лескова», размещенная в шести залах раскрывает основные вехи жизненного и творческого пути писателя:

здесь хранятся подлинные документы, портреты, картины, прижизненные издания лесковских произведений, записные книжки, сохранившаяся часть библиотеки, личные вещи, мебель Лескова и его сына. Кроме того, А.Н. Лесков оставил в дар музею собственный богатейший архив. В первом зале экспозиции представлена акварель работы К.Шульца (XIX век), на которой

изображён роскошный барский дом в селе Горохове Орловской губернии, где родился писатель. В музее хранятся книги из круга детского чтения Лескова. Это «Новая российская азбука» (1819), с помощью которой будущий писатель самостоятельно выучился читать и писать. Одна из первых прочитанных Лесковым книг — «Сто двадцать четыре священные истории из Ветхого и Нового Завета, собранные А.Н. Лесковым (М., 1832). В Доме-музее хранится подлинный архивный документ - «Формулярный список о службе Орловской Палаты Уголовного Суда бывшего Дворянского заседателя Коллежского Ассессора Семёна Дмитриевича Лескова», которому за службу было даровано дворянство. Экспонируется также «Указ о занесении рода Лесковых в Дворянскую книгу».

В зале, посвященном Орлу XIX века, при Лесковых была большая гостиная, в которой по вечерам собиралась вся семья, разыгрывала домашние спектакли и представления. Поэтому в музее и был создан общественный театр, где профессиональными артистами ставятся спектакли для взрослых и детей. Второй зал музея - «Петербургский» - представляет малоизвестную публицистику Лескова, его общественную деятельность, круг его петербургских, киевских, пензенских знакомых. Среди изданий - «Северная Пчела» со знаменитой статьей о питерских пожарах, романы «На ножах» и «Некуда». Здесь же представлен Лесков-переводчик: с французского - «Тружеников моря» Гюго, с чешского - «Сказки о двенадцати месяцах» Божены Немцовой, с польского - «Фавориток короля Августа Второго». Книгу «Леди Макбет Мценского уезда» иллюстрируют подлинные эскизы Кустодиева - художника, близкого Лескову по теме и духу.

Здесь же представлены материалы о связи Лескова с миром сцены, выразившиеся в его пьесе «Расточитель», театральных статьях и игре в киевском домашнем театре княжны Васильчиковой. Среди многочисленных книг - издания с автографами, в том числе «Смех и горе» с надписью брату: «Достолубезному старшему брату моему, другу и благодетелю Алексею Семеновичу Лескову, врачу, воителю, домовладыке и младопитателю от его младшего брата, бесплодного фантазера, пролетария бездомного сия книга автора».

В пятом зале воссоздан интерьер рабочего кабинета Лескова. Здесь собраны личные вещи писателя из его петербургской квартиры, где на улице Фурштадтской в доме 50 он прожил свои последние годы. В основу создания экспозиции была положена фотография центральной стены кабинета, сделанная в день смерти писателя. Обстановка петербургского кабинета

Лескова дает представление об яркой человеческой индивидуальности писателя, многообразии интересов и увлечений, о страсти к коллекционированию редких книг, картин, камней и других раритетов. Среди раритетов - собрание сочинений Лескова дореволюционной поры (1889); портфель, в который писатель складывал рукописи, запрещённые цензурой к публикации; трость с набалдашником в виде черепа (*memento mori*) ; зонт (на многих фотографиях Лесков запечатлён с этим зонтиком в руках) ; чайная чашка (Лесков любил крепкий чай — приходилось работать по ночам); другие подлинные вещи, принадлежавшие семье Лесковых. В их числе - портативная пишущая машинка, с помощью которой сын писателя Андрей Николаевич Лесков создавал свой колоссальный труд «Жизнь Николая Лескова» по его личным записям.

Интересы и пристрастия Лескова были чрезвычайно многообразны. В их числе - увлечение иконописью. В пестроте кабинета выделяются иконы. В.В. Протопопов вспоминал огромный образ Мадонны кисти Боровиковского. У Лескова были редкие поморские складни, старинные иконы строгановского и заонежского письма. С годами писатель приобрёл репутацию одного из лучших знатоков русской иконы. В орловском музее хранятся три иконы: икона Спасителя, переданная К.И. Дюниной; «Богоматерь с Младенцем» и «Спас во звездах» с дарственной надписью Лескова. Писатель подарил «Спаса во звездах» своему сыну на Рождество, на святках 1891 года. Этот редкостный экспонат - подлинное сокровище музея.

**Литературно-
мемориальная
композиция
«Мир Лескова»**

В 1975 году, к 80-летию со дня смерти писателя, в селе Гостомль под Кромами, где прошли детские годы Лескова, в местной школе, носящей его имя, была открыта комната-музей

с экспонатами, переданными невесткой писателя, с иконами из церкви, в приходе которой жили Лесковы. В школе № 27 имени Лескова в Орле работает также небольшой музей, посвященный писателю. Когда-то на месте школы стоял дом повивальной бабки Порфирьевны, у которой жил на квартире гимназист Лесков.

В старой части Орла в 1981 году открыт был открыт памятник Лескову и героям его произведений «Левша», «Тупейный художник», «Соборяне», «Леди Макбет Мценского уезда», «Очарованный странник». Все они связаны с малой родиной их создателя. Памятник установлен в честь 150-летия со дня рождения писателя. Авторы памятника — заслуженный художник РСФСР Ю. Г. Орехов, лауреат премии Ленинского комсомола Ю. Ю. Орехов, заслуженные архитекторы РСФСР В. А. Петербуржцев и А. В. Степанов. В 1982 году авторы памятника удостоены Государственной премии СССР. Памятник находится рядом со зданием гимназии, где учился Лесков, и церковью Михаила Архангела, которая упоминается в нескольких произведениях Лескова: в рассказе «Юдоль», повести «Несмертельный Голован» и в очерках «Дворянский бунт в Добрынском приходе».

гимназии, где учился Лесков, и церковью Михаила Архангела, которая упоминается в нескольких произведениях Лескова: в рассказе «Юдоль», повести «Несмертельный Голован» и в очерках «Дворянский бунт в Добрынском приходе».

Левша

Тупейный художник

Соборяне

Очарованный странник

***Леди Макбет
Мценского Уезда***

4. Библиография произведений Н.С. Лескова

Среди произведений Николая Лескова - рассказы, повести, романы, очерки, публицистические статьи

- «Очерки винокуренной промышленности» (1861; статья; опубликована в апреле 1861 года в журнале «Отечественные записки»)
- «Погасшее дело» (1862; первый рассказ)
- «Из одного дорожного дневника» (1862-1863; сборник публицистических очерков)
- «Русское общество в Париже» (1863; очерк)
- «Житие одной бабы» (1863; повесть)
- «Овцебык» (1863; повесть)
- «Некуда» (1863-1864; «антинигилистический» роман, изображающий быт коммуны, организованной «нигилистами»)
- «Леди Макбет Мценского уезда» (1865; повесть)
- «Обойденные» (1865; повесть; сюжет задуман в противовес повести [Н.Г. Чернышевского](#) «Что делать?»)
- «Воительница» (1866, повесть)
- «Островитяне» (1866; повесть о немцах, живших в Санкт-Петербурге)
- «Расточитель» (1867; драма; первая постановка – в 1867 на сцене Александринского театра в Санкт-Петербурге)
- «Котин Доилец и Платонида» (1867; повесть)
- «Старые годы в селе Плодомасове» (1869; повесть)
- «На ножах» (1870-1871; «антинигилистический» роман; впервые напечатан в «Русском Вестнике» в 1870-1871)
- «Загадочный человек» (1870; биографический очерк о швейцарце А.И. Бенни, который приезжал в Санкт-Петербург по поручению [А.И. Герцена](#) и какое-то время жил в квартире Лескова)
- «Соборяне» (1872; роман-хроника о духовенстве)
- «Запечатленный ангел» (1873; рассказ об общине раскольников, впоследствии вошедший в сборник «Праведники»)

- «Очарованный странник» (1873; первоначальное название - «Черноземный Телемак»; повесть, впоследствии вошедшая в сборник «Праведники»; сам Лесков определял жанр «Очарованного странника» как рассказ)
- «На краю света» (1875–1876; повесть)
- «Железная воля» (1876; рассказ о русском и немецком национальных характерах, основанный на подлинных событиях, произошедших в 1850-1860-х годах, когда Лесков служил в компании « кот и Вилькинс»)
- «На краю света» (1876; рассказ, впоследствии вошедший в сборник «Праведники»)
- «Некрещеный поп» (1877; повесть)
- «Владычный суд» (1877; очерк о митрополите Киевском Филарете)
- «Зеркало жизни истинного ученика Христова» (1877; публицистика)
- «Пророчества о Мессии» (1878; публицистика)
- «Мелочи архиерейской жизни» (1878; серия очерков о русском духовенстве; впервые напечатаны в сентябре-ноябре 1878 в газете «Новости»)
- «Однодум» (1879; рассказ, впоследствии вошедший в сборник «Праведники»)
- «Указка к книге Нового завета» (1879; публицистика)
- «Шерамур» (1879; рассказ, впоследствии вошедший в сборник «Праведники»)
- «Архиерейские объезды» (1879; очерк о православной церкви)
- «Епархиальный суд» (1880; очерк о православной церкви)
- «Кадетский монастырь» (1880; рассказ о директоре кадетского корпуса, впоследствии вошедший в сборник «Праведники»)
- «Несмертельный Голован» (1880; рассказ, впоследствии вошедший в сборник «Праведники»; герой рассказа относится к мещанскому сословию)
- «Святительские тени» (1881; очерк о православной церкви)
- «Изборник отеческих мнений о важности Священного Писания» (1881)

- «Христос в гостях у мужика» (1881; рассказ из цикла «Святочные рассказы»)
- «Синодальные персоны» (1882; очерк о православной церкви)
- «Привидение в Инженерном замке» (1882; рассказ из цикла «Святочные рассказы»)
- «Путешествие с нигилистом» (1882; рассказ из цикла «Святочные рассказы»)
- «Зверь» (1883; рассказ из цикла «Святочные рассказы»)
- «Печерские антики» (1883; цикл очерков)
- «Тупейный художник» (1883; рассказ о крепостном «художнике-парикмахере»)
- «Левша» (1883; сказ, впоследствии вошедший в сборник «Праведники»)
- «Голос природы» (1883; рассказ из цикла «Рассказы кстати»)
- «Александрит» (1885; рассказ из цикла «Рассказы кстати»)
- «Старый гений» (1884; рассказ из цикла «Святочные рассказы»)
- «Пугало» (1885; рассказ из цикла «Святочные рассказы»)
- «Интересные мужчины» (1885; рассказ из цикла «Рассказы кстати»)
- «Старинные психопаты» (1885; рассказ из цикла «Рассказы кстати»)
- «Сказание о Феодоре-христианине и его друге Абраме-жидовине» (1886)
- «Инженеры-бессребреники» (1887; рассказ, впоследствии вошедший в сборник «Праведники»)
- «Скоморох Памфалон» (1887; первоначальное заглавие «Боголюбезный скоморох» не было пропущено цензурой)
- «Человек на часах» (1887; рассказ о солдате, впоследствии вошедший в сборник «Праведники»)
- «Лев старца Герасима» (1888)
- «Умершее сословие» (1888; рассказ из цикла «Рассказы кстати»)
- «Гора» (1890; первый вариант «Зенон-златокузнец» не был пропущен цензурой)
- «Час воли Божьей» (1890; рассказ)

- «Чертовы куклы» 1890; роман-памфлет)
- «Невинный Пруденций» (1891)
- «Полунощники» (1891; повесть)
- «Юдоль» (1892; повесть)
- «Импровизаторы» (1892; рассказ)
- «Загон» (1893; рассказ из цикла «Рассказы кстати»)
- «Продукт природы» (1893; рассказ)
- «Административная грация» (1893; рассказ, критиковавший политическую систему Российской империи; опубликован после революционного переворота 1917 года)
- «Заячий ремиз» (1894; рассказ, критиковавший политическую систему Российской империи; опубликован после революционного переворота 1917 года)
- «Дама и фефёла» (1894; рассказ из цикла «Рассказы кстати»)
- «Полуночники» (рассказ; впервые напечатан в «Вестнике Европы»)

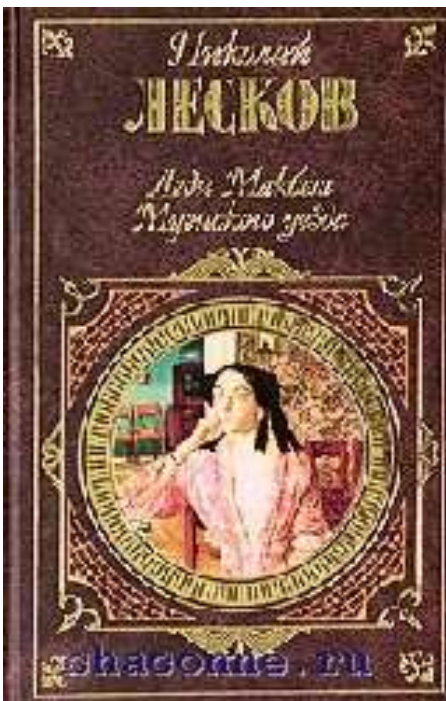

В 1880-х годах самой продуктивной у Лескова стала сказовая форма, давшая характерные образцы его стиля («Левша», «Тупейный художник» и др.). Создавая рассказы, построенные на анекдоте, «курьезном случае», сохраненном и приукрашенном устной традицией.

В центре повествования - характерный для сказки мотив состязания. Русские мастера во главе с тульским оружейником Левшой без всяких сложных инструментов подковывают танцующую стальную блоху английской работы. Левша - искусный мастерской, олицетворяющий таланты русского народа. Он отвергает выгодные предложения англичан и возвращается в Россию. Герой Лескова соединяет в себе и достоинства, и пороки простого русского человека. Возвратившись на родину, он заболевает и умирает, никому не нужный, лишенный всякой заботы. В отдельном издании "Левши" 1882 года Лесков указал, что его произведение основано на легенде тульских оружейников о состязании тульских мастеров с англичанами. Говорили, что легенду о Левше ему рассказал в Сестрорецке старый оружейник, выходец из Тулы. Литературные критики поверили этому сообщению автора. Но на самом деле Лесков выдумал сюжет своей легенды.

"Анекдотичен" по своей сути и рассказ "Тупейный художник" (1883), повествующий о печальной судьбе таланта из крепостных в XVIII в. В рассказе жестокий барин разлучает крепостных графа Каменского - парикмахера Аркадия и актрису Любовь Анисимовну, отдав Аркадия в солдаты и обесчестив его возлюбленную. Отслужив в армии и получив офицерский чин и дворянство, Аркадий приезжает к Каменскому, чтобы жениться на Любви Анисимовне. Граф благосклонно принимает своего бывшего крепостного. Но счастье изменяет героям рассказа: хозяин постоялого двора, на котором остановился Аркадий, прельстившись деньгами постояльца, убивает его.

По канве лубочных картинок о любви приказчика и хозяйской жены написана повесть "Леди Макбет Мценского уезда" (1865), основанная на истории о гибельных страстях, скрытых под покровом провинциальной тишины. Увлекательный и трагический сюжет, одновременно отталкивающий и исполненный возвышенной силы характер главной героини, Катерины Измайловой, придали произведению особую притягательность. Эта повесть о незаконной страсти и убийстве отличается от других сочинений Лескова.

Повесть о немцах, проживающих на Васильевском острове в Петербурге ("Островитяне", 1866).

Поиск положительных героев, праведников, на которых держится русская земля (они есть и в "антинигилистических" романах), давний интерес к раскольникам и сектантам, к фольклору, древнерусской иконописи, ко всему "пестроцветью" народной жизни аккумулировались в повестях "Запечатленный Ангел" и "Очарованный странник" (обе 1873), в которых сказовая манера повествования Лескова выявила свои возможности.

В "Запечатленном Ангеле", где рассказывается о чуде, приведшем раскольничью общину к единению с православием, есть отзвуки древнерусских сказаний о чудотворных иконах.

Образ героя "Очарованного странника" Ивана Флягина, прошедшего через немислимые испытания, напоминает былинного Илью Муромца и символизирует физическую и нравственную стойкость русского народа. За свои грехи - бессмысленное "удальское" убийство монашка и убийство цыганки Груши (Груша сама просила Флягина столкнуть ее в воду, помочь умереть, но он считает этот свой поступок великим грехом), герой повести уходит в монастырь. Это решение, по его мнению, предопределено судьбой, Богом. Но жизнь Ивана Флягина не завершена, и монастырь - лишь одна из "остановок" в его путешествии. Снискавшие широкий читательский успех, эти произведения интересны тем, что на ограниченном сюжетном пространстве

писатель создал художественную модель всей России. Оба произведения выдержаны в сказовой манере: автор "прячется" за рассказчика, избегая однозначных оценок.

5. Примечание

1. Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова [Текст]: В 2 т.
2. Писатели и поэты России [Текст]: Справочник / Сост. В.В. Шевченко. – М.: Новый учебник, 2010.-176 с.
3. Лесков Н.С. Избранное [Текст]: В 2 т. Т. 1/Сост. вст. ст. и коммент. В.Ю. Троцкого. - М.: МИД «Синергия», 1995.- 368 с., илл.
4. Лесков Н.С. Собрание сочинений [Текст]: В 11 т. Т.11.-М.: Художественная литература, 1958.- 861 с.
5. Использованы материалы WEB-сайтов Интернет.

«Волшебник слова» [Текст] : Н. Лесков: информационный дайджест для учащихся / ГОУ СОШ № 457. Школьная библиотека; сост. Т.С. Титова.- М., 2011.-45 с. - (Литературный венок России).

